

**ДЕКЛАРАЦИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА*
ОТ 3 МАРТА 1917 г.**

V.I. Startsev. Declaration of the Provisional Government, dated March 3, 1917. This article deals with the history of the appearance of the first declaration by the Provisional Government, dated March 3, 1917. The contents of this document reflected the program of the Progressive Block, as well as a compromise between the Provisional Committee of the State Duma and the Petrograd Soviet. The article, written by the author in the 1980s, has not lost its scientific importance until today. It contains a detailed analysis of the text of the declaration (the original version of the document has not survived). The author included memoirs and other types of sources, necessary for a thorough research of this important historical document, into the sphere of analysis. Special attention is paid to specific historical circumstances of appearance of the declaration and to the process of formation of its final text.

«Клочок бумаги неправильной формы, на котором была написана декларация»¹, до сих пор не найден. Внешняя критика подлинника декларации Временного правительства от 3 марта поэтому является невозможной. Но сам опубликованный текст ее и воспоминания непосредственных авторов декларации дают достаточный материал для источниковедческого исследования.

Обстоятельства Февральской революции привели к тому, что в Таврическом дворце — резиденции Государственной думы — явочным порядком возник центр революционных рабочих и солдатских масс, Петроградский совет. Уже к вечеру 27 февраля в правом крыле Таврического дворца действовал Временный комитет членов Государственной думы, а в левом — временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Каждая из этих организаций ставила перед собой свои собственные цели и старалась использовать бурно развивающееся народное движение в своих целях. Думский комитет, составившийся в основном из членов президиума Прогрессивного блока от ряда фракций Государственной думы, боролся за осуществление программы этого блока. Причем растущий характер движения позволял надеяться на максимальное удовлетворение требований блока: создание правительства из его лидеров, введение конституционной монархии с отстранением Николая II от верховной власти, провозглашением императором малолетнего Алексея Николаевича и регентом великого князя Михаила Александровича. В области внутренней политики предполагалось выполнить требования программы Прогрессивного блока: провести амнистию по политическим и религиозным преступлениям, отменить национальные ограничения, провести реформы местного управления, расширить права земств и городских дум. За эту программу деятели Прогрессивного блока боролись уже свыше полутора лет, сначала они предполагали добиться ее осуществления путем сделки с царским правительством (июль — август 1915 г.), а затем надеялись вырвать ее организованным общественным давлением на власть.

Таким образом, и программа будущего кабинета, и его состав были намечены за много месяцев и недель до Февральского переворота. Надо добавить к этому, что и возможность народной, стихийной революции прекрасно сознавалась лидерами Прогрессивного блока и радикальными кругами буржуазии. Революция

* Рукопись статьи сохранилась среди бумаг В.И. Старцева в его личном архиве.

¹ Суханов Н. Записки о революции. Берлин, 1922. Кн. 1. С. 341.

Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г.

была предсказана с большой точностью, и тем не менее ее фактическое начало явилось для буржуазных лидеров неожиданным, а сам ход революции с первого дня спутал многие из тщательно разработанных планов.

Главной неожиданностью явилась организация Совета рабочих депутатов, да еще тут, в Таврическом дворце, в самом близком соседстве с Государственной думой. Те из лидеров буржуазной оппозиции, кто имел возможность близко соприкасаться с рабочими, понимали, что организации, на которые опирается буржуазия в своей борьбе за власть, — Государственная дума, Земский и Городской союзы, Военно-промышленные комитеты охватывают только небольшой слой цензовой, буржуазной общественности и отчасти радикальной интеллигенции. Главная антиправительственная сила — рабочий класс находится за пределами этих организаций. Попытки влиять на рабочих через Военно-промышленные комитеты особого успеха не имели, так как большинство рабочих не поддерживало меньшевиков-оборонцев типа Гвоздева и Бройдо, возглавлявших рабочую группу Центрального военно-промышленного комитета. Поэтому весной 1916 г. А.И. Коновалов, заместитель председателя ЦВПК, выдвинул идею всероссийского рабочего съезда, который бы создал Совет рабочих депутатов или союз рабочих депутатов, находящийся под буржуазным влиянием. Царское правительство запретило созыв такого съезда. И хотя отдельные конспиративные связи между лидерами либеральной оппозиции и представителями революционных партий были установлены и поддерживались, оппозиция в целом от попыток распространить свое влияние на рабочих отказалась.

И в армии Прогрессивный блок имел сторонников прежде всего среди офицеров, среди солдат же вели интенсивную работу революционеры. А в планах военного переворота, которые разрабатывал кружок А.И. Гучкова, особо оговаривалось, как провести его, изолируя от прямых действий солдатские массы.

Вот почему рабочие и солдаты представлялись думскому Комитету двумя стихиями, грозными и анархическими, движение которых надлежит как можно скорее ввести в строгие рамки законов. А вместо этого в Государственной думе возник центр из представителей революционных партий, которые заявили претензию на руководство именно этими массами рабочих и солдат и занялись их особой организацией. И несмотря на то что цели меньшевистских руководителей Совета рабочих депутатов не шли дальше ординарной буржуазно-демократической республики, они все же существенно расходились с задачами лидеров Прогрессивного блока. В первом же воззвании к населению Петрограда Совет заявлял, что целью борьбы является «народное правление» и создание «своей собственной властной организации» народа. Совет призывал: «Все вместе, общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права»².

Это не могло понравиться членам думского Комитета, так как в данном документе недвусмысленно провозглашалась заявка на введение в стране республиканской формы правления. Между тем прямых контактов между Советом и Комитетом еще не было, если не считать особого положения А.Ф. Керенского, приглашенного в Совет на должность заместителя председателя. На заседаниях же Совета, особенно на вечернем общем собрании 28 февраля 1917 г., выявилось очень критическое настроение по отношению к Временному комитету Государственной думы. Члены Совета были воодушевлены своей реальной силой, требовали «диктовать думскому комитету» условия, называли Комитет «шайкой политиканов», желающих воспользоваться пролитой народом кровью, требовали арестовать председателя Думы М.В. Род-

² Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 28 февраля. № 1.

зьянко. Во всяком случае, определенно было заявлено желание «явиться во Временный комитет Государственной думы» со своими требованиями³.

Со своей стороны и Временный комитет не мог больше не замечать Совета, поскольку их представители постоянно сталкивались между собой, и двоевластие стало совершившимся фактом. Поэтому при составлении возможного списка министров были сделаны предложения: А.Ф. Керенскому — товарищу председателя Совета — занять пост министра юстиции, а Н.С. Чхеидзе — председателю Совета — занять пост министра труда. Надо сказать, что в составе царского правительства [не было] Министерства труда, но возможность его образования при приходе к власти «правительства доверия» из лидеров прогрессивного блока рассматривалась еще до революции. Так, на совещании у Е.Д. Кусковой 6 апреля 1916 г. в списке, выработанном для обсуждения на съезде кадетской партии, значилось министерство труда, главой которого [был] «беспартийный левый» Л.И. Лутугин⁴. Кадеты предполагали, что для удовлетворения требования «социалистов» и для приручения их создание такого министерства было бы целесообразным.

Если бы удалось пополнить в состав правительства председателя Совета рабочих депутатов, то и сам Совет был бы уже не так страшен для буржуазии. Но Н.С. Чхеидзе сразу же отказался от этого предложения. Керенский же, увидев в этом удовлетворение своих честолюбивых замыслов, решил согласиться и поэтому начал обрабатывать отдельных членов Исполнительного комитета Совета в желательном для него и думского Комитета духе.

Утром 1 марта 1917 г. Исполком Совета решил обсудить вопрос об отношении к вопросу о власти и о формировании правительства, а также о требованиях или условиях к думскому Комитету. Настроение большинства членов Исполкома выразил Н. Суханов, говоривший, что «надо было поставить цензovou власть в такие условия, в которых она была бы ручной»⁵. В самом Комитете, да и в лагере революционной демократии, было в этот момент три течения. Первое, представленное большевиками и некоторыми левыми эсерами, требовало не признавать власть буржуазии и бороться за создание Советом Временного революционного правительства. Второе — из правых меньшевиков-оборонцев призывало к передаче власти буржуазии без всяких условий и поддержке этой власти. Наконец, третье, к которому примыкало большинство, полагало, что в связи с буржуазным характером переживаемой Россией революции власть, разумеется, должна составить буржуазия, но при этом нужно выдвинуть такие условия, которые дали бы возможность довести до конца буржуазно-демократическую революцию и осуществить программы-минимум социал-демократов и социалистов-революционеров. Меньшевики из Исполнительного комитета считали себя большими хитрецами и полагали, что нужно буржуазию «заставить» взять власть, а сделать это можно тем, что показаться им очень сговорчивыми и не выставлять таких требований, которые могут буржуазию «испугать». «Не надо отнимать у буржуазии надежду выиграть эту борьбу», — пояснял этот замысел в своих воспоминаниях Суханов.

«Какие же именно конкретные условия передачи власти, — вспоминал он, — могли создать такого рода статус, необходимый для революции и демократии? То есть на каких же именно конкретных условиях должна быть вручена власть правительству Милюкова? В сущности таким условием я считал одно: “обеспечение полной политической свободы в стране, абсолютной свободы организации и агитации”. С другой стороны, это условие не

³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 73. Д. 1. Л. 1—15 об.

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). Нью-Йорк, 1955. Т. II. С. 273—274.

⁵ Суханов Н. Записки о революции. С. 224.

Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г.

могло не быть принято противной стороной. Всякие иные требования, несомненно, менее по существу, могли “сорвать комбинацию”! На многие из них Милюков и К^о не могли бы пойти перед лицом своего классового, группового персонального положения, перед лицом общественного мнения Европы. Но этого требования — не покушаться на принципы свободы, — они не могли не принять, если они вообще были готовы принять власть в данных обстоятельствах с соизволения советской демократии»⁶.

Суханов формулировал и два других требования или условия: амнистия и скорейший созыв Учредительного собрания. «Эти три условия: декларация полной политической свободы, амнистия и немедленные меры к созыву Учредительного собрания — представлялись мне абсолютно необходимыми, но вместе с тем исчерпывающими задачами демократии при передаче правительственных функций в руки цензовой буржуазии. Все остальное приложится», — заключал Суханов⁷.

Обсуждение вопроса о власти началось около 12 часов дня в 13-й комнате Таврического дворца, но вскоре было прервано в связи с «инцидентом Родзянко», его попыткой выехать к царю, когда он не смог получить поезд из-за противодействия Совета рабочих и солдатских депутатов. На общем собрании Совета 1 марта, где обсуждался этот инцидент, Н.Д. Соколов, которого, как указывает Суханов, он уже склонил в свою сторону, призывал быть умеренными к кадетам, чтобы довести до конца борьбу с царизмом⁸. Но и тут в прениях проявился яростный накал борьбы, резкие антиофицерские настроения. Ф. Линде, например, заявлял: «Мы добились кровью некоторых свобод, не дадим обойти себя. Минимум дадут, мы хотим самого большего»⁹.

В шестом часу вечера в Исполнительном комитете возобновились прения по вопросу об организации власти. Суханов высказал свои пункты. Их записывал Ю.М. Стеклов на отдельном листе бумаги. Тут же требования были дополнены представителями солдатских депутатов, чтобы политические свободы были распространены на солдат, чтобы войска Петроградского гарнизона, принимавшие участие в революционном движении, не были выведены из Петрограда. Особое значение имело внесение в текст условий требования о том, чтобы правительство «не предпринимало никаких других шагов, предполагающих будущую форму правления». Включив этот пункт, руководители Совета предполагали на его основе вести пропаганду республиканской формы правления.

Исполнительный комитет отклонил предложение думского Комитета о посылке своих представителей в правительство, и вопрос о личном составе будущего министерства был целиком предоставлен на усмотрение «буржуазии». К 12 часам ночи на 2 марта текст условий был выработан и [избрана] делегация в составе Чхеидзе, Соколова, Суханова, Стеклова и Филипповского. Текст условий, записанный на отдельном листке бумаги, нес с собой Стеклов.

Делегация перешла в правое крыло Таврического дворца и объявила о своем желании вступить в переговоры с Временным комитетом Государственной думы. Комитет ответил согласием, и переговоры начались. Стеклов сделал доклад о содержании условий Петроградского Совета, после чего «Милюков попросил дать ему бумагу, где была изложена наша программа и, переписывая ее, делал свои замечания»¹⁰.

Что же увидел перед собой П.Н. Милюков? Насколько можно судить по опубликованному тексту декларации Временного правительства от 3 марта, воспоми-

⁶ Суханов Н. Записки о революции. С. 232, 234.

⁷ Там же. С. 235.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 73. Д. 2. Л. 3—11.

⁹ Там же.

¹⁰ Суханов Н. Записки о революции. С. 277.

нениям Суханова и самого Милюкова, а также другим источникам, первоначальный проект, который был принесен Стекловым, не очень отличался от окончательного текста. В нем было восемь пунктов. Первый требовал полной и немедленной амнистии по политическим и религиозным делам. Второй требовал свободы слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих. В третьем пункте говорилось об отмене всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений. Четвертый пункт был посвящен скорейшему созыву Учредительного собрания и содержал заявление, что «**вопрос о форме правления остается открытым**» (формулировка Милюкова). Пятый пункт требовал замены полиции народной милицией с выборным начальством. Шестой пункт содержал требование перевыборов органов местного самоуправления на началах всеобщего избирательного права. В седьмом оговаривались права солдат Петроградского гарнизона на невывод частей, принимавших участие в революции, из Петрограда. И, наконец, последний пункт снова говорил о предоставлении всех гражданских прав солдатам и содержал требование о выборности командного состава в армии.

Милюков был весьма доволен скромностью этих требований, совершенно не затрагивавших социальные вопросы и в большинстве своем повторявших программу Прогрессивного блока! Нельзя без улыбки читать самодовольные ремарки Суханова: «**Амнистия, разумеется, само собою**». Милюков, не делая активно ни шагу и лишь уступая, не считал приличным спорить против амнистии и терпел ее до конца, не очень охотно, но вполне послушно записывая: «**по всем преступлениям: аграрным, военным, террористическим**»¹¹. То же самое было со вторым пунктом — политическими свободами, отменой сословных, вероисповедных ограничений и т. д. «**От Милюкова требовали, и он уступал**»¹². Наивные «хитрецы»! Они «требовали» от Милюкова то, что записано было в программе его партии, что он и так должен был проводить в жизнь. Более того, они требовали от «буржуазии» то, чего ее представители еще вчера требовали от царского правительства.

Вот текст написанной Милюковым «*Программы министерства общественного доверия*» середины августа 1915 г.: «1. Амнистия лиц, осужденных за политические и религиозные преступления, возвращение с.-д. депутатов. 2. Коренное изменение приемов управления, в том числе отмена национальных ограничений. 3. Законодательная программа организации страны для победы. 4. Меры для поддержания социального мира»¹³.

И хотя в программе Прогрессивного блока часть этих требований оказалась урезанной, собственные взгляды Милюкова от этого не менялись. Что же касается программы кадетской партии, то там правам граждан был посвящен специальный раздел из восьми пунктов. Даже в программе октябристов декларировались гражданские свободы и отмена ограничений¹⁴.

Не мудрено поэтому, что «уступавший» Милюков оценивал представленный ему проект так:

«За исключением п. 7, имевшего очевидно временный характер, и применения начала выбора к начальству милиции в п. 5, все остальное в этом проекте (Милюков имеет в виду его вторую редакцию, о которой будет рассказано несколько ниже) не только было

¹¹ В подлинном тексте: «в том числе: террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.». См.: Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 419.

¹² Суханов Н. Записки о революции. С. 277.

¹³ Красный архив. 1932. №. 50—51. С. 158.

¹⁴ Сборник программ русских политических партий. Пг., 1917. С. 24—25, 20—31.

Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г.

вполне приемлемо или допускало приемлемое толкование, но и прямо вытекало из собственных взглядов вновь сформированного правительства на его задачи. С другой стороны, необходимо отметить, что здесь не заключалось ничего такого, что впоследствии было внесено социалистическими партиями в понимание задач революционной власти, и что послужило предметом долгих прений и неоднократных разрывов между социалистической и несоциалистической частью коалиционных кабинетов следующих составов»¹⁵.

Эта оценка условий Совета как очень приемлемых сохранилась у Милюкова на многие годы. В своих воспоминаниях он также писал о делегации Исполнительного комитета:

«Они принесли и готовый текст этих условий, которые должны были быть опубликованы от имени правительства. Для левой части блока, большая часть этих условий была вполне приемлема, так как они входили в ее собственную программу. Сюда относилось: все гражданские свободы, отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений, созыв Учредительного собрания, которое установит форму правления, выборы в органы самоуправления на основе всеобщего избирательного права, полная амнистия. Но были и пункты существенных разногласий, по которым завязался продолжительный спор, закончившийся соглашением только в четыре часа утра»¹⁶.

По каким же вопросам имел место спор и что в результате было согласовано? Первый пункт, который вызвал разногласия, был четвертый, о будущей форме правления. Милюков отказывался связывать правительство обещанием не предпринимать «ничего, что бы предопределяло будущую форму правления» (редакция Суханова). Напомним, что позиция большинства думского Комитета состояла в том, чтобы добиться отречения Николая II в пользу его сына и назначить регентом Михаила Александровича, т. е. сохранить конституционную монархию. Напомним также, что никаких шагов к тому, чтобы побудить Николая II, еще не было предпринято и обстановка в этом смысле была еще не ясна. После долгих споров была согласована следующая формулировка: «Немедленная подготовка к созыву <...> Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны»¹⁷.

Итоги остальных споров отражены в воспоминаниях Милюкова:

«Они согласились также вычеркнуть требование о выборности офицеров... Я ограничил «пределами, допускаемыми военно-техническими условиями» осуществление солдатами «гражданских свобод» и отстоял «сохранение строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы», при введении равенства солдат «в пользовании общественными правами». Но я не мог возразить против неразоружения и невывода из Петрограда воинских частей, принимавших участие в «революционном движении» и только что обеспечивших нам победу. Ведь было неизвестно в тот момент, не придется ли им сражаться далее с посланными в столицу «верными» частями»¹⁸.

Итак, Милюков был очень доволен итогами переговоров и считал, что он многого добился. Доволен был и Суханов: хитрость удалась, правительство согласилось принять власть на этих условиях, «он прочел всю программу до конца, приемля и выборы в муниципалитеты, и отмену полиции, и Учредительное собрание с его подлинным именем и

¹⁵ Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921. Т. 1. Вып. 1. С. 46–47.

¹⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 306.

¹⁷ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 419.

¹⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 307.

всеми надлежащими атрибутами»¹⁹. А Милюков тешил себя такими словами: «Нам великодушно предоставлялась отсрочка, и весь вопрос был для нас, как ею воспользоваться. Я и сам разделял это мнение о психологии всех революций. Я только не намеревался складывать рук в ожидании пока наступит следующая стадия»²⁰. Итак, лидеры Совета не оттолкнули буржуазию, не «испугали ее непомерными требованиями». Наоборот, даже Милюкову они внушили иллюзию, что в этой борьбе буржуазия сумеет выиграть.

Но тогда, в 4 часа утра 2 марта 1917 г., соглашению еще не суждено было состояться. Хотя члены делегации Совета ушли из правого крыла Таврического дворца в полной уверенности, что соглашение уже заключено, в их отсутствие произошли события, которые фактически приостановили ход переговоров. На заседание Комитета Государственной думы прибыл А.И. Гучков и стал резко критиковать проект правительственной декларации. «Я помню, я возражал по некоторым вопросам, касающимся армии и смертной казни», — говорил Гучков на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии ровно через пять месяцев после описываемых событий. О смертной казни ни в условиях, выработанных Советом, ни в возражениях П.Н. Милюкова не говорилось. Возможно, А.И. Гучков спутал, а может быть, он предлагал ввести или сохранить смертную казнь на фронте? А вот вопрос об армии, то есть о правах солдат, действительно обсуждался и был, как говорилось выше, включен в проект декларации. Гучков был председателем Военной комиссии Временного комитета Государственной думы, близко столкнулся с положением в войсках Петроградского гарнизона, видел всю ненависть солдат к офицерам, которая уже проявилась в ряде убийств. И всюду он видел громадный авторитет Совета рабочих и солдатских депутатов. А тут, оказывается, с этим Советом нужно еще договариваться о программе и личном составе правительства: «Для меня было неожиданностью, что явился при создании этой новой комбинации, еще третий фактор — Исполнительный комитет Р. и С. Депутатов». Ситуация рисовалась Гучкову «безнадежной»²¹.

Поэтому он резко выступил против согласованного с Советом проекта, и в результате этого Комитет Государственной думы в целом постановил считать вопрос о соглашении и о тексте программы открытым²².

Как видно из воспоминаний Суханова, об этом факте ему вскользь рассказал Керенский, однако, видимо, у членов Исполнительного комитета не создалось впечатление о срыве переговоров. Тем более что с утра 2 марта по настоянию М.В. Родзянко Милюков стал предлагать членам Исполкома продолжить работу над выработкой правительственного заявления.

Вскоре начало свою работу общее собрание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором с докладом о переговорах с Временным комитетом Государственной думы выступил Ю.М. Стеклов. Он характеризовал принятие Комитетом условий Петроградского Совета как «колоссальное историческое завоевание» и заявил, что делегации исполкома удалось «связать этих людей торжественной декларацией». Таким образом, тот самообман, в котором находились члены делегации, вообразившие, что ставят «буржуазии» невыполнимые условия, продолжался. Те реформы, которые члены Временного правительства собирались провести и так, верные своей партийной программе, изображались меньшевистскими лидерами Совета, как уступки, вырванные у «этих людей». Далее Стеклов перечислил пункты

¹⁹ Суханов Н. Записки о революции. С. 279.

²⁰ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 274.

²¹ Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. VI. С. 272–273.

²² Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. С. 48.

Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г.

декларации, сопровождая их своими комментариями. В них также подчеркивалась роль Совета, представители которого навязали свою волю цензовикам. Стеклов заявил, что делегация была уверена в том, что Комитет отвергнет идею созыва Учредительного собрания и требование всеобщего избирательного права. Но «никто не возражал, кроме Шульгина». И хотя Стеклов вынужден был рассказать, что «они» отвергли требование о демократической республике, он отметил, что то, «чего мы добились — не максимум. Это наименьшие завоевания» и нужно продолжать борьбу за все дальнейшие требования. Эта настойчивость вытекала из твердого сознания реальной силы Совета и слабости Временного комитета Совета, что было высказано в таких словах: на три четверти солдаты «наши», на одну четверть — «их»²³.

В прениях получили отражение все партийные течения в Совете. Большевики критиковали делегацию и требовали создать Временное революционное правительство. Критики слева так же предлагали настаивать на включении в декларацию требований программы-минимум социал-демократии. Хотя отдельные депутаты и осуждали Керенского за его согласие вступить во Временное правительство — последний только что, несмотря на противодействие исполкома, получил вотум доверия на вхождение в министерство прямо от большинства членов Совета — раздавались и другие голоса: чтобы в правительстве половина мест принадлежала представителям Совета. Слышались резкие осуждения по адресу Милюкова и «гучковских противонародных кругов». Но в итоге подавляющим большинством против 14 голосов была одобрена линия поведения делегации Исполнительного комитета Совета и предложенные ею условия.

Совет постановил потребовать включения в правительственную декларацию особого пункта о том, что правительство не должно ссылаться на условия военного времени и медлить с осуществлением перечисленных в декларации форм. И наступательный дух, проявившийся в докладе Стеклова, и требование дополнить декларацию, а также принятое решение добиваться помещения под декларацией подписей всех министров Временного правительства и председателя Государственной думы — все это ставило делегацию перед необходимостью занять более жесткую позицию на новых переговорах.

С этим усилившимся напором на организующееся правительство встретился и Милюков, когда днем 2 марта выступил на огромном импровизированном митинге в Таврическом дворце. «Еще три дня назад мы были в скромной оппозиции, а русское правительство казалось всемогущим, — говорил он. — Теперь это правительство рухнуло в грязь, с которой сроднилось, а мы и наши друзья слева выдвинуты революцией, армией и народом на почетное место членов первого русского общественного кабинета»²⁴. Если эти слова были покрыты «шумными продолжительными аплодисментами», то уже вскоре начались негодующие выкрики. «Кто вас выбрал?» — спрашивали у Милюкова, и на его слова о том, что князь Львов представляет организованную русскую общественность, возражали — «цензовую!». О программе он сказал следующее: «Я очень сожалею, что в ответ на этот вопрос не могу прочесть вам бумажки, на которой изложена эта программа. Но дело в том, что единственный экземпляр программы, обсужденной вчера в длинном ночном заседании с представителями Совета рабочих депутатов, находится сейчас на окончательном рассмотрении их. И я надеюсь, что через несколько часов вы об этой программе узнаете»²⁵.

²³ Протокол общего собрания Петроградского Совета от 2 марта 1917 г. (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 73. Д. 3. Л. 5–21).

²⁴ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта. № 4.

²⁵ Там же.

И если на заседании Петроградского Совета Стеклов призывал бороться за республику, то Милюков так же горячо агитировал здесь за сохранение монархии. Он прямо заявлял, что Николай II откажется от престола добровольно или будет низложен, наследником будет Алексей, а великий князь Михаил Александрович — регентом. Государственным строем России, по мнению Милюкова, должна была стать «парламентская конституционная монархия». Окончательное право решения вопроса о форме правления должно принадлежать Учредительному собранию. «В нашей программе, — продолжал Милюков, — вы найдете пункт, согласно которому, как только пройдет опасность и возродится прочный порядок, мы приступим к подготовке созыва Учредительного собрания (шумные аплодисменты), собранного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Свободно избранное народное представительство решит, кто вернее выразит общее мнение России — мы или наши противники»²⁶. Важно отметить в связи с этим, что согласие делегации Петроградского Совета на этот важнейший пункт правительственной декларации, что Учредительное собрание «установит форму правления и конституцию страны», означало в условиях 2 марта и даже ночи на 3 марта согласие на конституционную монархию. О позиции царя еще ничего не было известно. До трех часов дня 2 марта Гучков и Шульгин, делегированные Временным комитетом Государственной думы для поездки к царю, еще находились в Петрограде. Они имели твердую инструкцию добиться от Николая II отречения в пользу сына. И комбинация — император Алексей и регент Михаил — казалась на девяносто процентов уже осуществленной.

Никто еще не знал, что отречение будет в пользу самого Михаила Александровича, а тот в свою очередь так же отречется от верховной власти в пользу... Временного правительства! Поэтому, повторяем, отсрочка решения вопроса о форме правления до Учредительного собрания означала 2 марта 1917 г. только то, что до решения Учредительным собранием этого вопроса в России будет конституционная (еще без конституции!) монархия.

Суханов, ожидавший споров по вопросу о всеобщем избирательном праве и Учредительном собрании, недоумевал: почему Милюков так настаивает на монархии. Впрочем, если свобода уже сегодня, если будет Учредительное собрание, то не все ли равно, рассуждал он. Только много месяцев спустя он осознал, что действиями Милюкова руководил дальний расчет. Сохранение династии было важным козырем Временного правительства как внутри страны, так и на международной арене. Оно давало иллюзию сохранения национального единства, отвечало монархическим пережиткам в психологии отсталых слоев народа, позволяло надеяться на большую устойчивость внутреннего положения в стране и в армии.

Вечером 2 марта совместная работа делегации Исполнительного комитета Петроградского Совета и Временного комитета Государственной думы возобновилась. «С решением “третьего пункта”²⁷ окончилось уже всякое обсуждение вопросов “высокой политики” и оставалось только проредактировать, привести в порядок и сдать в печать первую конституцию Великой Российской Революции, — вспоминал Суханов. — К готовой бумажке со списком министров надо было приклеить декларацию, а потом собрать под нее подписи членов кабинета»²⁸. Неожиданностью и притом неприятной неожиданностью для Милюкова было требование Совета добавить новый пункт в декларацию про «военные обстоятельства», которые не должны быть помехой для демократических преобразований.

²⁶ Там же.

²⁷ Суханов имеет в виду четвертый пункт о форме правления.

²⁸ Суханов Н. Записки о революции. С. 341.

Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г.

Другой неприятностью был измененный текст декларации самого Петроградского Совета. Дело в том, что еще на первом совместном заседании П.Н. Милюков от имени Временного комитета Государственной думы попросил делегацию Совета составить свою декларацию с призывом к населению оказывать поддержку правительству. Проект такого документа тут же был составлен Н.Д. Соколовым. Но Милюков нашел его неудовлетворительным и составил свой текст, в котором солдаты призывались к спокойствию и порядку, к подчинению своим офицерам. Этот текст был делегацией Совета принят. Но 2 марта, к двум абзацам, написанным Н.Д. Соколовым и П.Н. Милюковым, добавился еще один, вводный. Его написал Ю.М. Стеклов. Оно отмечало, что Временное правительство создано из умеренных буржуазных кругов, что поддержка ему, по существу, может оказываться только условная. Данное положение развивало ставшее затем очень известным решение общего собрания Петроградского Совета от 2 марта 1917 г. о том, что поддерживать Временное правительство нужно «постольку, поскольку оно идет по линии осуществления намеченных задач»²⁹.

Общее собрание поручило делегации внести следующие новые пункты в декларацию Временного правительства: «1. Временное правительство оговаривает, что все намеченные мероприятия будут проводиться, несмотря на военное положение. 2. Манифест Временного правительства должен быть одновременно за подписью М. Родзянко и Временного правительства. 3. Включить в программу Временного правительства пункт о предоставлении всем национальностям прав национального и культурного самоопределения»³⁰.

Насколько можно судить по опубликованному тексту декларации и воспоминаниям, последний пункт в вечернем заседании 2 марта не обсуждался и не был никак включен в принятый текст. Что же касается первого, то его окончательный текст был выработан Сухановым, Милюковым и Стекловым в следующем виде: «Временное правительство считает своим долгом присвокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий»³¹.

Если итоги переговоров в ночь с 1 на 2 марта Милюков оценивал положительно для интересов Временного правительства, то новые переговоры, по его мнению, пересмотрели эти итоги в пользу Совета, который из равноправного партнера становился теперь в позу контролера. Напомним, что на общем собрании 2 марта было еще принято решение «образовать наблюдательный комитет за действиями Временного правительства»³². В своей «Истории Второй русской революции» Милюков так комментировал итоги переговоров вечером 2 марта:

«Здесь, как видим, не только не отражался тот факт, что текст правительственных обязательств в основе своей составлен самими делегатами Совета, а текст их декларации Временным комитетом Государственной думы, но и принята впервые та знаменитая формула “постольку-поскольку”, которая заранее ослабляла авторитет первой революционной власти среди населения»³³. Еще более решительно он выражался в последующих воспоминаниях: «Все соотношение между нашими обязательствами, формулированными ими и добровольно принятыми нами — их обязательствами, формулированными мною и принятыми ими, таким образом, затушевывалось и менялось в сторону классовой подозрительности»³⁴.

²⁹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта. № 4.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Милюков П.Н. История Второй русской революции. С. 49.

³⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 308.

Так или иначе, но к началу ночи на 3 марта текст декларации был окончательно отредактирован. Необходимо было подписать его. Первую подпись по желанию Совета поставил председатель Государственной думы М.В. Родзянко. Затем подписался председатель Совета министров князь Г.Е. Львов. Надо сказать, кстати, что князь Львов не присутствовал на первой части переговоров с делегацией Исполкома, а на второй части в основном молчал. После подписи Львова следовали подписи министров: П.Н. Милюкова, министра иностранных дел, Н.В. Некрасова, министра путей сообщения, министра просвещения А.А. Мануилова, торговли и промышленности — А.И. Коновалова, финансов — М.И. Терещенко, обер-прокурора Синода В.Н. Львова, министра земледелия А.И. Шингарева, министра юстиции А.Ф. Керенского.

Под декларацией не было подписи А.И. Гучкова — военного и морского министра. Он в это время находился в Пскове вместе с В.В. Шульгиным, где ожидал акта отречения от Николая II. Но вряд ли бы он подписал эту декларацию, поскольку она ничем от виденного им проекта не отличалась, особенно в той области, которая была ему особенно близка, в области внутренней жизни армии. Во всяком случае, отсутствие Гучкова явно облегчало задачу Милюкова найти форму договоренности с Петроградским Советом. Не подписал декларацию октябрист И.В. Годнев, приглашенный на пост государственного контролера³⁵. В связи с этим его имя не было упомянуто и в списке министров.

Декларация немедленно была перепечатана в Совете на пишущей машинке и сдана в типографию вместе с воззванием Петроградского Совета. Подлинник правительственной программы и одну копию Н.Н. Суханов отдал П.Н. Милюкову³⁶. Утром декларация Временного правительства вместе с воззванием Петроградского Совета к населению, напечатанные на одном листе рядом были в виде афиш расклеены по всему городу. А.И. Гучков, вернувшись из Пскова, и проезжая по петроградским улицам видел уже эти документы и с изумлением узнал из них, что ему, кроме поста военного министра, о чем с ним предварительно говорили, вручен еще и пост министра морского³⁷. Одновременно декларация была опубликована в «*Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов*».

Как же выглядел ее окончательный текст? Прежде всего надо отметить, что программа правительственных мероприятий, о которой говорилось ранее, отнюдь не исчерпывала собою все содержание декларации. Она начинается с довольно обширной вводной части, в выработке которой, как нам кажется, члены делегации Исполнительного комитета Петроградского Совета не участвовали. Первая фраза введения подчеркивала роль и значение Временного комитета Государственной думы в революции: «Временный комитет членов Государственной думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, который позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти»³⁸. Фраза эта составлена в привычном стиле обличительных речей лидеров Прогрессивного блока. Она выдвигает Государственную думу на место единственного организованного центра в революции, Совет же рабочих и солдатских депутатов угадывается лишь в неопределенном слове «население». Отметим и то,

³⁵ Суханов Н. Записки о революции. С. 343.

³⁶ Там же. С. 344.

³⁷ Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. VI. С. 270–272.

³⁸ Текст декларации перепечатан в сборнике документов и материалов «*Революционное движение в России после свержения самодержавия*». М., 1957. С. 419–420.

Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г.

что Временный комитет говорил о «более прочном устройстве» именно исполнительной власти, то есть только правительственной. О правах верховной власти, власти монарха, ничего здесь не говорится.

«Для этой цели, — говорится далее в декларации, — Временный комитет Государственной думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью»³⁹. А здесь мы видим уже дословные совпадения с программой Прогрессивного блока: «создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны»⁴⁰. Использование этой терминологии указывает нам и на автора вышеупомянутых фраз: им скорее всего был Милюков, который провел и общую редакцию документа. Да и по сути Временное правительство было осуществлением на практике той идеи «министерства доверия», которую выдвинул летом 1915 г. Милюков как лозунг Прогрессивного блока. Оно не было «ответственным правительством», поскольку еще не было парламента, Государственная дума уже повисла в воздухе, а вопрос о монархии не был решен. Временное правительство никто не выбрал. Оно выбрало себя само. Та влиятельная группа общественных буржуазно-либеральных деятелей, которая сложилась в России к началу Первой мировой войны и которая уже в 1915 г. попыталась путем переговоров с царским правительством прийти к власти, теперь в исключительных условиях народной революции увидела, наконец, реальную возможность для осуществления своей цели.

Далее следовал список самих министров Временного правительства. Причем интересно, что название правительства сохранено здесь еще старое: «Совет министров», что видно из названия должности князя Львова: «Председатель Совета министров». Термин «Временное правительство», как название для исполнительной власти, впервые использован в Декларации только в ее самом последнем абзаце, где говорится о «военных обстоятельствах», и который был добавлен только вечером 2 марта 1917 г. В связи с этим можно предположить, что все введение и список министров составлены ранее, вообще еще до начала переговоров с делегацией Петроградского Совета, поскольку в документах Совета за 1 марта говорится, что его представители видели список министров. Персональный состав правительства обсуждался и на вечернем заседании Исполнительного комитета 1 марта. «Было известно, — вспоминал Суханов, — что формальным главой намечен земец — Львов, обычный кандидат в премьеры еще в эпоху “оппозиции его величества”»⁴¹.

Исследование самого списка министров показывает еще большую связь членов Временного правительства с проектами «министерства доверия», которые составлялись в 1915 и 1916 гг. Из 10 министерств «первого общественного кабинета» 6 упоминались в известном списке «кабинета обороны», опубликованном газетой «Утро России» 13 августа 1915 г. Причем почти на тех же постах: Милюков — министр иностранных дел, Некрасов — министр путей сообщения, Коновалов — торговли и промышленности, В.Н. Львов — обер-прокурор Синода. Назывались там и Гучков, и Шингарев.

В другом списке, который был составлен 6 апреля 1916 г., на собрании, устроенном на квартире С.Н. Прокоповича и Е.Д. Кусковой с представителями «левых течений», также упоминались кн. Львов как кандидат в премьеры, Милюков — как министр иностранных дел, Коновалов в качестве возможного министра тор-

³⁹ Там же. С. 419.

⁴⁰ Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 27.

⁴¹ Суханов Н. Записки о революции. С. 261.

Нестор № 4

говли и промышленности, а Гучков и Шингарев уже прямо как военный министр и министр земледелия⁴².

После списка министров следовали восемь пунктов правительственной программы, которой предпосланы были следующие слова: «**В настоящей своей деятельности кабинет будет руководиться следующими основаниями**». Документ заканчивался специальным абзацем о «**военных обстоятельствах**», которые не должны использоваться правительством для отсрочки реформ, и подписями министров.

Таким образом, первая декларация Временного правительства не являлась результатом единоличного творчества министров. В своей наиболее важной программной части она выражала соглашение между Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов и Временным комитетом Государственной думы об условиях, на основании которых Совет признавал создаваемое комитетом Временное правительство. Первоначальный текст этих условий был составлен членами делегации Исполнительного комитета Совета, и после переговоров они были приняты Думским комитетом, поскольку по своему содержанию соответствовали взглядам и партийным установкам большинства последнего.

Вместе с тем вводная часть документа и список министров составлялись, по всей вероятности, еще до переговоров с Петроградским Советом и свидетельствуют о намерении думского Комитета образовать Совет министров (Временное правительство) независимо от Петроградского Совета. Согласованная с Петроградским Советом программа провозглашала полную демократизацию страны и широчайшие политические свободы, умалчивая в то же время о необходимости социальных преобразований. В момент составления декларации ее авторы, как члены Петроградского Совета, так и думского Комитета, предполагали, что государственным строем России вплоть до Учредительного собрания будет конституционная монархия. Гарантией обещанных свобод являлась реальная вооруженная сила, находившаяся в распоряжении Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

---

⁴² См. об этом: *Милюков П.Н.* Воспоминания. С. 273. Милюков провел сопоставление этих трех списков: от 13 августа 1915 г., от 6 апреля 1916 г. и от 2 марта 1917 г. Это нужно было ему, чтобы доказать, что даже «левые» не мыслили себе других кандидатов в министры, кроме буржуазных либералов: «**В то время многие занимались составлением списков будущих министров. И, обыкновенно, в этих списках варьировались все те же имена, ставшие популярными благодаря оппозиции в Думе, или благодаря деятельности в общественных организациях**» (Там же. С. 272). Нам кажется, что совпадение этих списков показывает не только то, что указанные лица пользовались «доверием страны», но и то упорство и настойчивость, с которыми эта тесно сплоченная группа шла к цели, обеспечивая себе необходимую рекламу и «популярность» всеми способами.